

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XX в.

Вопрос о происхождении старообрядческих капиталов интересовал фискальные органы Российской империи еще в середине XIX столетия. Для современников взаимосвязь предпринимательства и старообрядчества была очевидной. Однако попытка властей обосновать быстрый финансовый рост коммерческих структур, находящихся под контролем старообрядческих организаций, «благостью фортуны», случайностью и непредсказуемостью отечественного рынка успеха не имела. Слишком трудно было объяснить населению причины, по которым представители одних и тех же национальностей, но относящиеся к пастве разных церквей существенно различались в результативности коммерческих начинаний.

Старообрядчество рассматривалось в рамках духовного, политического, нравственного и социального контекстов. Экономическая доминанта настоящего движения игнорировалась намеренно – отчасти в результате отсутствия статистических и экономических источников, отчасти в силу консервативности контекстного анализа. Однако еще В.В. Андреев считал, что «сила раскола состояла в деньгах, в капиталах»¹. Очевидная констатация факта не объясняла сути проблемы. Образовавшиеся пробелы в экономической теории поспешили заполнить рассказы о «тайных сектах, передающих по наследству огромные капиталы», «особых тайных способах ведения торговли» и, наконец, колдовстве и волховании староверов. Подобный упрощенный взгляд на старообрядчество был продиктован прежде всего принципиальным неверием российского общества как в собственные силы староверов, так и в возможность эволюции старообрядчества и инкорпорации его в создающуюся институциональную структуру сложившейся капиталистической модели.

Как известно, старообрядческая традиция – это духовное, религиозное движение, зародившееся в середине XVII в. из столичных и провинциальных групп «ревнителей древнего благочестия», «старолюбцев» и иных течений, объединившихся впоследствии, на основе формального неприятия церковных нововведений патриарха Никона. В своем развитии старообрядчество прошло ряд стадий и этапов. Оно начиналось как единое движение на платформе следования дореформенному православию, а затем под воздействием целого ряда факторов приобрело черты конфедеративного устройства. Сам термин «старообрядец» приобрел значение сугубо видовое. Он формально объединял представителей различных движений, церквей, направлений, согласий и т. д.

Собственно научное изучение проблемы связано с трудами исследователей второй половины XX в. Так, А.И. Клибанову принадлежит идея о том, что доктрина предпринимательства была заложена в учении старообрядчества. Исследования А.И. Клибанова способствовали разрушению главенствующего в науке представления о старообрядцах как о духовных изолянтах, находящихся в

вечной стадии накопления первичного капитала. В то же время автор не ставил перед собой цель проследить эволюцию экономического сознания староверов, реконструировать причины и этапы их вхождения в капиталистические отношения. Его в гораздо большей степени интересовал процесс эволюции старообрядчества, приспособления движения к реалиям социализма, адаптации этого образования в XVII в. к современной по отношению к автору общественной парадигмеⁱⁱ.

П.Г. Рындзюнский обосновал теорию роста экономического благосостояния старообрядческих организаций в период развития промышленного капитализмаⁱⁱⁱ. До конца XX в. для отечественной историографии наиболее характерным был марксистский взгляд на проблему адаптации российского старообрядчества к условиям рыночной экономики. В настоящее время приходится констатировать, что при наличии целого ряда интереснейших научных исследований принципиального прорыва в оценке экономической составляющей старообрядчества так и не произошло^{iv}. Исключение составляют работы, авторы которых пытались найти истоки экономической успешности старообрядчества в недрах самого течения ревнителей древнего благочестия. Примером такого рода исследований может считаться ставшая в настоящее время хрестоматийной серия работ В.В. Керова^v. Ему же принадлежит заслуга анализа существующей англо-американской историографии проблемы^{vi}.

В исследованиях В.В. Керров объясняет успешность старообрядческой экономической модели, исследует ее связь с факторами, способствовавшими становлению протестантской этики и духа предпринимательства. Подобная постановка вопроса является показателем скорее фрагментарной схожести двух течений, нежели их тождества. Между тем оригинальность подобного подхода очевидна и лишней раз доказывает возможность весьма неожиданных интерпретаций различных аспектов экономической истории старообрядчества.

В трудах зарубежных авторов проблема развития старообрядческой экономической модели не поднималась, однако общий контекст исследований позволял подробно рассматривать сопутствующую тематику^{vii}.

Формирование старообрядческой экономической модели имеет длительную противоречивую историю^{viii}. Структурное оформление ее теоретической части занимает значительный хронологический период и с определенной долей условности может быть разделено на следующие этапы:

- 1) вторая половина XVII в.;
- 2) XVIII–начало XIX в.;
- 3) середина XIX–начало XX в.

Первый этап

В 60–90 гг. XVII в. российские старообрядческие организации претерпели весьма болезненную эволюцию, вызванную поражением в религиозно-идеологическом и политическом конфликте. Собственно экономическая доктрина в старообрядчестве в данный период отсутствует. Особенностью периода стала активизация книжной деятельности, работа по формированию доктриналистики движения. Старообрядческих идеологов интересовали

базовые проблемы апокалипсического цикла, вопросы эсхатологии, мученичества и канонизации. Редкие текстовые фрагменты, посвященные экономической проблематике, затрагивают преимущественно вопросы о труде. С определенной долей условности можно констатировать разработку проблематики в двух ракурсах.

Во-первых, труд духовный. Данный вид труда рассматривается как наивысший, поскольку нацелен на самосовершенствование и нравственную проповедь. Труд духовный не имеет ничего общего с трудом мирским, направленным на получение средств к физическому существованию. Лучше всего эту мысль выразил протопоп Аввакум, указавший, что даже в самые трудные периоды его ссылки необходимо было довольствоваться малым и помнить о том, что труд ради получения пропитания является лишь необходимой поддерживающей частью более значимого труда – по духовному самосовершенствованию. «Куручка у нас черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашей помогая, бог так строил»^{ix}.

Во-вторых, труд достойный. Данный вид труда рассматривался как необходимый для поддержания существования семьи. В то же время не существовало его трактовки в контексте постоянного «прирастания» имущества, капиталов собственности, прибавочного продукта. Достойным (в смысле приемлемым) считалась достаточность получаемого продукта при обязательном соблюдении правил труда. Протопоп Аввакум приводит по этому поводу следующий фрагмент причинно-следственной (побудительной) цепи трудовой необходимости: «Рыбы никто добыть не может ... от глада исчезаем. Помоля я бога, взял две сети, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мне бог дал шесть язей да две щуки»^x.

Несмотря на определенную разницу, обе концепции способствовали достижению одного результата, а сам труд рассматривался лишь как необходимое средство его достижения и обретения благочестивого жития.

Фрагментарно и в строгом контексте эсхатологического спора эта проблема затрагивалась в сочинениях так называемых региональных боголюбцев и их малоизвестных последователей^{xi}.

Эта формулировка легла в основу так называемой концепции «брашно вечное». Однако ее разработка происходит значительно позднее. В существующей традиции труд воспринимался современниками как физическое следствие грехопадения. Поэтому взгляды старообрядцев мало чем отличались от господствовавшей в Российской православной церкви (Патриаршей) идеи «умеренного» труда. Ее суть заключалась в том, что труд не должен отвращать от исполнения того, «чем человек обязан Богу», необходимо в «надеждах и нуждах житейских полагаться на Божье упование, а не ... рассчитывать на изворотливость... ума и обременении трудом себя и своих ближних»^{xii}.

Весьма ярко подобная точка зрения была сформулирована в трудах протопопа Аввакума^{xiii}. Протопоп Аввакум упоминает категорию труда в контексте молитвенной деятельности, не выделяя тем самым собственно экономическую доминанту термина. Следовательно, идеальная

старообрядческая община времен экономической модели «брашно вечное» вела привычный, устоявшийся образ жизни с традиционным исполнением социальных функций различными членами. Категории экономической деятельности присутствовали в отражении религиозной и социальной жизни. Торговля не приветствовалась и не отвергалась, так как закладывала фундамент «брашно земного», тогда как идеалом общинников оставалось достижение благости в посте, молитве и исполнении древнего канонического обряда. На этом этапе ряд общин изолировались от мира в нежелании заниматься торговлей и любой иной коммерческой деятельностью с «нечистыми», или мирскими. Они приносили значительные экономические потери и формировали изоляционистские тенденции общественного развития, частью которых можно считать бегство от мира и апокалипсические смерти. Подобные идеи получили значительное распространение в общинах сторонников протопопы Аввакума и среди последователей монаха Капитона Даниловского. В «капитоновщине» данная точка зрения была доведена до своеобразного абсолюта, что в конечном итоге явилось одной из причин исчезновения движения.

Второй этап

XVIII–начало XIX в. – один из основополагающих этапов в формировании экономической доминанты старообрядчества. Эпоха Петровских преобразований не только вызвала к жизни ранее не востребованную энергию старообрядческого предпринимательства, но буквально заставила старообрядцев активно включиться в экономическую и хозяйственную жизнь государства. Немалую роль сыграло обложение старообрядцев двойной податью, а следовательно, необходимость эту подать заработать. В этом отношении выплата двойной подати стала гарантией исповедания старого обряда, другими словами, определенным компромиссом старообрядческого мира и государственных властей. Фактически происходил процесс «обмирщения» старообрядчества. Прибыльный земной труд в контексте компромисса со светскими властями становился гарантией спасения души. Не случайно в сочинениях идеологов старообрядчества XVIII в. появились термины «трудник», «великий трудник и радетель», а сам труд называли благим и богоугодным. Изменялось отношение к преуспевающим старообрядцам со стороны официальных властей. Наличие старообрядческого элемента в структуре высшего промышленного и финансового менеджмента этой эпохи очевидно. Однако в большей степени старообрядцы привлекались властью к управлению в качестве регионального управленческого аппарата, реально не влияющего на выбор стратегии финансового развития своих организаций^{xiv}. Однако и эта «оттепель» имела для движения вполне ощутимые последствия.

В XVIII в. в старообрядчестве происходила своеобразная реабилитация торговли, получившей почетное прозвище «богоугодное дело» и «добрый прикуп». С аналогичными концепциями выступили признанные идеологи старообрядчества, в том числе Данила Викулов и Андрей Денисов (руководители **выговской** общины). Их можно по праву считать основателями своеобразного старообрядческого учения об эффективном руководстве

персоналом и старообрядческом менеджменте. А. Денисов полагал, что «всяк день надсматривающее работников ... попечения имея ... все добро строится»^{xv}. Труд в общине был строго регламентирован, фактически были введены служебные обязанности и строгая иерархия членов общины (старосты, надсмотрщики, радетели и т. д.). В.В. Керров приводит весьма красноречивый факт принципиально нового отношения к экономической составляющей главы старообрядческой общины: «Чтобы стабилизировать положение общины, Денисов в Киеве и других районах нача из добрых людей, на торг и с половины денег просить ..., он же своих людей избрав, начат посылати в низовые города хлеба покупати и в Санкт-Петербург ставити ... и от того бывшее велие помощь и пособие братству»^{xvi}.

Фактически А. Денисова можно считать инициатором введения в старообрядческих общинах принципа маклерской торговли, основанной на быстрой перемещения капиталов и товаров. Подобная деятельность привела к формированию в **выгорецкой** общине концепции «труда благого», во многом активизировавшей изменения в отношении старообрядцев к экономической деятельности с середины XVIII в.

Вторая половина XVIII столетия стала эпохой юридического оформления права старообрядцев на активное участие во всех видах экономической деятельности. С первых месяцев царствования императрица Екатерина II начала проводить политику привлечения старообрядцев к более активному участию в жизни российского общества. Указы 11 октября и 14 декабря 1762 г. были направлены на возвращение в Россию эмигрировавших старообрядцев. Акты 1761, 1763, 1764, 1769, 1782 и 1785 г. гарантировали старообрядцам права судебного свидетельства, занятие общественных должностей, отменили двойной оклад (подать) и разрешали старообрядцам записываться в любое сословие, кроме дворянства^{xvii}.

Это напрямую привело к тому, что с 1764 г. произошло территориальное перераспределение старообрядческих общин. Резко изменилось соотношение городских и сельских старообрядческих центров. Пошел процесс перемещения центров управления старообрядчеством в города. Однако изменилось не только место управления общиной, но и представление старообрядцев о времени и текущих задачах руководства. Все больший вес в обществе стал приобретать богатый, обеспеченный, финансово независимый единовец — старообрядец, способный субсидировать общину и ее конкретные проекты. К руководству старообрядческими общинами (особенно после проведения в ноябре–январе 1778–1780 гг. в Москве собора московских и стародубских старообрядцев-поповцев) стали приходить именитые купцы и промышленники. Первыми руководителями объединенных старообрядческих общин стали богатые купцы, уроженцы Гуслицкой волости — традиционного центра текстильного производства России. Им удалось придать общинам староверов ранее не свойственные им функции коммерческих фирм. «Гуслицкое» руководство общины обеспечивало в столицах интересы немосковских финансов — промышленные групп и имело сеть контрагентов по всей России (в Петербурге, Нижнем Новгороде и т. д.). При этом староверческие организации играли роль

страховых предприятий, гарантирующих выполнение банковских поручений, взаимных платежей, исполнения векселей, надзора и судебных решений. В одной из таких общин-корпораций начинал трудовую деятельность Савва Васильев (Морозов), известнейший российский промышленник и предприниматель^{xviii}.

Отношения правительства со старообрядцами развивалось по пути либерализации, переходя от открытых гонений в эпоху Николая I и добродушного игнорирования при Александре II к прагматичному нейтралитету Александра III. Этим объяснялись и аналогичные процессы, протекавшие в самом старообрядчестве: от сопротивления режиму в 1825–1860 гг. до нейтралитета в 1860–1881 гг.

Не случайно в первой половине XIX в. крупнейшие торговые и промышленные компании Москвы находились в руках старообрядцев Морозовых, Рахмановых, Шелапутиных, Рябушинских, Хлудовых, Гучковых. Фактически формировались старообрядческие банковские, финансовые и промышленные элиты, выступившие за пересмотр условий деятельности на внутреннем рынке Российской империи. Однако далеко не все политические деятели осознавали необходимость кардинального пересмотра правительственного курса в отношении старообрядцев.

Последний из представителей династии Романовых, император Николай II (1894–1917 гг.), начал свое правление в русле старого семейного принципа – «никаких уступок». Этот тезис он заявил в своей тронной речи. Однако вскоре ситуация принципиально изменилась. Монарх был вынужден пойти на социальные реформы. Их неизбежность была давно очевидна.

Третий этап

Середина XIX–начало XX в. характеризовались принципиальными изменениями в формировании старообрядческой экономической модели. Прежде всего закончился период правовой дискриминации старообрядцев. Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил демократические свободы, в том числе в вероисповедании. После либерализации правительственного курса в отношении старообрядцев и ряда соответствующих законодательных актов старообрядчество из «де-факто» оппозиционного лагеря перешло в лагерь правительственный, обеспечив тем самым лояльность себя к режиму и режима к себе. Уничтожение последних юридических ограничений не могло не сказаться на динамике роста старообрядческих капиталов и производств. Старообрядческая экономическая модель отлично вписалась в систему российского капиталистического общества. Общественные капиталы, вложенные в операции по купле-продаже в XVIII в., существенно увеличившись, были в середине XIX в. перераспределены между маклерскими операциями и промышленным производством.

Сформировавшаяся в условиях монополистического капитализма старообрядческую торгово-промышленную элиту уже не устраивала собственно предпринимательская деятельность. В данном случае процесс становления

старообрядческой экономической модели зеркально отразил этапы формирования российского монополистического капитализма.

К 1910 г. система старообрядческих монополий достигла уровня концернов и синдикатов. Начался этап формирования финансовой олигархии и сращивания торгово-промышленного и банковского капиталов. В 1914 г. представители старообрядчества контролировали значительную часть банковских активов в Санкт-Петербургском международном банке, Нижегородско-Самарском банке, Северном страховом обществе, Частном коммерческом банке и пр. Аналогичная ситуация наблюдалась и в провинции. Интересы старообрядческих финансово-промышленных кругов были широко представлены в Государственной думе России и во Временном правительстве^{xix}. Окончание золотого века российского старообрядчества и свертывание оригинальной экономической модели произошло с приходом советской власти.

Примечание

ⁱ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб., 1870. С. 23–25.

ⁱⁱ См.: Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность. М., 1969.

ⁱⁱⁱ См.: Рындзюнский П.Г. Старообрядческие организации в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х гг. XIX в.) // Вопросы истории, религии и атеизма. М., 1950; *Он же*. Церковь в дворянской империи // Русское православие: вехи истории. М., 1989.

^{iv} См.: Ананьич Б. А. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Л., 1991; Кузмичев А., Петров Р. Русские миллионщики. Семейные хроники. М., 1993; Брянецев М.В. Концепция труда в расколе // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Материалы научно-практической конференции. Гомель, 2003; Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2001.

^v См.: Керров В.В. Рябушинские: династия старообрядцев-предпринимателей // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 3. М., 1995. *Он же*. «Время купли наступает...» Роль коррупции в сохранении и возрождении старой веры в России XVIII – первой половине XIX в. // Старообрядец (Н. Новгород). 2005. № 33; *Он же*. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII – XIX вв. // Отечественная история. 2001. № 4; *Он же*. Община и хозяин. Роль общины в хозяйственной системе старообрядчества // Старообрядец. 2001. № 23; *Он же*. Формирование старообрядческой концепции «труда благого» в конце XVII – начале XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 4. Боровск, 1995.

^{vi} См.: Керров В.В. Старообрядческое предпринимательство: мифы и легенды в англо-американской историографии:

<http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB5/kerov.htm>

vii См.: *Blackwell W. L.* The Old Believers and the Rise of Private Industrial Enterprise in Early Nineteenth Century Moscow // *Slavic Review*. 1965. Vol. XIV. № 3.

Gerschenkron A. Economic backwardness in historical perspective. N.Y., 1962.
Owen T.C. Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855-1905. Cambridge, 1981.

viii См.: *Керов В.В.* Формирование старообрядческой концепции «труда благого» в конце XVII – начале XVIII в. // *Старообрядчество: история, культура, современность*. Вып. 4. Боровск, 1995.

ix *Аввакум протопоп*. Избранные сочинения. М., 1998. С. 35.

x *Аввакум протопоп*. Избранные сочинения. М., 1998. С. 73.

xi См.: *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы, эволюция. СПб., 1995; *Бородкин А. В., Витушкин К. В., Гулина Т.И.* Старообрядцы Верхневолжья: прошлое, настоящее, будущее. Кострома, 2005; *Шахов М.О.* Философские аспекты староверия. М., 1998.

xii *Аполлинарий (Дубинин)*. Консервативное и новаторское в мышлении. К краткому анализу некоторых заблуждений о жизни современного старообрядчества // *Старообрядчество: история, культура, современность*. Вып. 5. М., 1996. С. 7–9.

xiii См.: *Аввакум протопоп*. Избранные сочинения. М., 1998. ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 748.

xiv См.: Сборник Указаний и распоряжений правительства. СПб., 1862. Костромской историко-архитектурный музей-заповедник. Ф. 558. Оп. 2. Д. 18182.

xv Цит. по *Керров В.В.* Рябушинские: династия старообрядцев-предпринимателей // *Старообрядчество: история, культура, современность*. Вып. 3. М., 1995. С. 9–11.

xvi Там же.

xvii См.: *Ершова О.П.* Манифест 17 апреля 1905 г. в освещении периодической печати // *Старообрядчество: история, культура, современность*. Вып. 3. М., 1995. ГАИО. Ф.Р-31. Оп. 8. Д. 7.

xviii См.: *Соболевская А.А.* Духовные истоки старообрядческого предпринимательства // *Вопросы экономики*. 1993. № 8. *Она же*. Предпринимательский дух в России // *Альманах Центра общественных наук МГУ*. 1998. № 8.

xix См.: *Расков Д.Е.* Новые сведения о московских старообрядцах-предпринимателях // *Старообрядчество: история, культура, современность*. М., 2002. *Он же*. Старообрядчество: картина мира и хозяйственный стиль // *Проблемы современной экономики*. Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2002. № 3-4. *Он же*. Хозяйственная жизнь русских старообрядцев // *Вестник СПбГУ*. Сер. 5. 1999. Вып. 3.